

УДК 397

DOI: 10.33184/tbnipib-2022-05-12.2

Аминев Закирьян Галимьянович

канд. филос. наук, старший научный сотрудник,

Институт стратегических исследований РБ, г. Уфа, Россия

zakirjan_g@mail.ru

СКИФО-САРМАТСКИЕ СЛЕДЫ В КУЛЬТУРЕ БАШКИР

Аннотация: Статья посвящена проблеме языкового субстрата в башкирском языке. Автором приводится ряд башкирских слов, имеющих смысловые аналоги в индоиранских, иранских языках. Эти слова могут быть объяснены только как сохранившиеся субстратные элементы древних восточноиранских языков, делает вывод автор. Подтверждают этот вывод многочисленные данные археологии, антропологии, топонимии, фольклора, мифологии.

Ключевые слова: восточноиранские кочевые племена, языковой субстрат, этногенез, топонимы, древний лексический пласт.

SCYTHIAN-SARMATIAN TRACES IN BASHKIR CULTURE

Abstract: The article is devoted to the problem of the linguistic substrate in the Bashkir language. The author provides a number of Bashkir words that have semantic analogs in the Indo-Iranian and Iranian languages. These words can only be explained as preserved substratum elements of ancient East Iranian languages, the author concludes. This conclusion is confirmed by numerous data from archeology, anthropology, toponymy, folklore, and mythology.

Keywords: East Iranian nomadic tribes, linguistic substratum, ethnogenesis, toponyms, ancient lexical layer.

Башкиры (самоназвание – башкорт) – один из древних тюркоязычных народов и расселены они, кроме Республики Башкортостан, также в Челябинской, Оренбургской, Курганской, Свердловской, Самарской, Саратовской областях и в Пермском крае Российской Федерации. По мнению исследователей, формирование их происходило в I тысячелетии н.э. в ходе тюркизации пришлыми тюркоязычными племенами местных коренных обитателей Южного Урала и Приуралья – сакских, сарматских, аланских племен, говоривших на восточноиранских наречиях [7, с. 229-230].

Южный Урал и прилегающие к нему территории, где сформировался башкирский народ, в археологическом плане изучены довольно хорошо. Согласно письменным источникам, в раннем железном веке (с VIII в. до н.э. – по IV в. н.э.) Южный Урал и прилегающие к нему степи населяли кочевые, главным образом, ираноязычные племена [12, с. 179]. Археологами здесь выявлены и раскопаны многочисленные курганы, оставленные сакскими, савроматскими, сарматскими, аланскими скотоводами-кочевниками. Выявленные при этом материалы указывают, что в указанный период истории вся эта территория была плотно освоена вышеперечисленными ираноязычными племенами. То есть, налицо многочисленные материальные следы, подтверждающие пребывание восточноиранских кочевников на той территории, где потом сформировался тюркоязычный башкирский этнос.

По мнению С.Ю. Гуцалова, памятники древних кочевников в VIII-VII вв. до н.э. здесь пока еще малочисленны. Но со 2-й пол. VI в. до н.э. ситуация начинает меняться. Именно временем не позже середины VI в. до н.э. датируются оставленные скифскими кочевниками погребения в кургане 59 у с. Целинный и в кургане 17 могильника Покровка 2, имеющие аналогии с погребениями лесостепной Украины и Северного Кавказа VII – 1-й пол. VI вв. до н.э. [12, с. 179].

Скифские миграции на Южный Урал С.Ю. Гуцалов связывает с моментом их возвращения из походов на Ближний Восток в конце VII в. до н.э. и повторного освоения ими ранее завоеванных земель. В первой половине VI в. до н.э. немногочисленные скифские конные отряды начинают проникать в Южноуральские степи, подчиня в силу своего военного превосходства более слабые «автохтонные» племена и навязывая им впоследствии свои культурные ценности [13, с. 198-202].

Исследования С.Ю. Гуцалова подтверждаются раскопками Уфимского археолога Н.С. Савельева, по мнению которого именно с VI в. до н.э. для степной зоны Южного Урала наступает принципиально новый исторический период – до этого очень слабо освоенный регион начинает массово заселяться разнородными группами кочевого населения. Начавшиеся активные ассимиляционные процессы к концу V в. до н. э. привели к значительной унификации и нивелировке культурных различий, показателем чего является формирование нового культурного образования, которые по существующей археологической систематике, датируются концом V – рубежом IV–III вв. до н.э. [33, с. 126].

На территории Восточного Оренбуржья археологами раскопано большое количество погребений савроматов (могильник у Гумарово, к

VII-VI вв. до н.э., Новотроицкий I могильник, могильник Сара) и сарматов (Ново-кумакский могильник в Новоорском районе, Аландский в Кваркенском районе, у пос. Джанаталап на реке Орь рядом с г. Орском). Исследователи считают их западной частью большого исседоно-массагетского массива племен, а другую группу на западе области в бассейне среднего течения реки Урал – дахо-массагетами [35, с. 18].

Уфимским археологом А.Х. Пшеничноком был раскопан уникальный курган сарматской знати у с. Филипповка в Илекском районе Оренбургской области, в ходе которого были обнаружены множество различных предметов из золота и золотосодержащих сплавов, большую часть этих предметов составляют высокохудожественная коллекция, выполненная в «зверином» стиле. Сарматские племена расселялись в тех же самых местах, где впоследствии сложился башкирский этнос и вели они, как потом и башкиры, тот же полукочевой образ жизни, о чем свидетельствует видовой состав стада [26, с. 11]. В курганах раннего железного века (VII-VI вв. до н.э.), оставленных кочевыми савроматскими и сарматскими племенами, обнаружены ахеменидские ритон, гривна, печать, а также египетский сосуд с именем царя Артаксеркса I (465-424 гг. до н.э.) [37, с. 72, 76].

По мнению исследователя А.С. Балахванцева, регион Южного Урала является местом наибольшей концентрации ахеменидских престижных ценностей, обнаруженных за пределами державы Кира и Дария [5, с. 40]. Все эти находки указывают на существование устоявшихся связей между Уралом и Средней и Передней Азией, Ближним Востоком. Кочевническое население Южного Приуралья имело наиболее тесные экономические связи с сако-массагетскими племенами Средней Азии и в первую очередь с Хорезмом. Исследователи считают, что постоянный караванный путь из приуральских степей в Хорезм и другие страны Средней Азии и Персидского Востока сложился уже к IV в. до н.э. [30, с. 80].

О том, что кочевники, говорившие на восточноиранских языках, не только пребывали на Южном Урале и Приуралье, но впоследствии принимали участие в этногенезе башкир, подтверждают и исследования антропологов, то есть башкиры биологически являются их продолжением на новом этапе развития. В частности, на довольно мощный иранский субстрат в виде древнего памиро-ферганского антропологического типа у башкир неоднократно указывал в своих работах известный башкирский исследователь-антрополог Р.М. Юсупов [43]. О наличии данного антропологического типа на

Южном Урале писал также специалист по кочевым культурам древнеиранских племен В.Ю. Мурзин [28, с. 33]. По мнению археолога А.Х. Халикова, в начале новой эры в регион Южного Урала и в приуральские степи начинают проникать тюркоязычные племена. Здесь они смешивались в ираноязычные савромато-сарматскими племенами [39, с. 415].

В IV-V вв. н.э. многовековое господство ираноязычных племен на Южном Урале и Приуралье пало под натиском тюркоязычных гуннов, оттеснивших часть сарматов [25, с. 92]. Однако, движение древнетюркских племен на запад «не могло вытеснить полностью ираноязычные сарматские племена на широких пространствах лесостепи Урало-Поволжья [18, с. 55]. Нет также никаких сведений о том, что местное ираноязычное население было уничтожено. Эти племена, оставаясь в местах своего бывшего обитания, смешивались с пришлыми тюркоязычными племенами и таким образом заложили основы будущего башкирского народа.

По мнению Ф.И. Гордеева, именно здесь, в районе Урала, в результате смешения тюркоязычных гуннских племен с местными сармато-аланскими племенами образовались первые древнебашкирские племена, т.е. основной костяк, основное ядро будущего башкирского народа [10, с. 315].

Надо отметить, что мнение об участии тюркоязычных гуннов в этногенезе башкир высказал еще дореволюционный русский исследователь, профессор Н.И. Веселовский [9, с. 118]. Это мнение Н.И. Веселовского было поддержано также известным русским языковедом С.Е. Маловым, который писал: «башкиры один из древних народов и имеют отношение к гуннам» и сформировались они там же, где они обитают и поныне [24, с. 136].

С усилением потока тюркоязычных племен на Южный Урал местное ираноязычное население полностью было ассимилировано и на базе различных тюркских наречий сформировался новый башкирский этнос, вобравший в себя элементы культуры местных ираноязычных племен. Кроме археологических памятников от первоначальников Южного Урала ираноязычных кочевников, как иранский субстрат через посредство башкир до нас дошли, и многочисленные топонимы. Так, например, именно на территории «Исторического Башкортостана» сохранились многочисленные гидронимы с корнем на «Ра-». Из античных источников до наших дней дошли сведения о том, что Волга называлась Ра (Птолемей), Рас (Агатемер). По мнению В.И. Абаева, Птолемея форма отражает, скорее всего, сарматское произношение этого гидронима [2, с. 479]. В названии реки Раузяк в Ишимбайском

районе РБ, также наличествует тот же иранизм «rautah-» «поток» [22, с. 135]. В Суэцкой надписи Дария I Нил назван «rauta» – «река» [36, с. 61]. В горах Южного Урала по территории Архангельского и Белорецкого районов РБ течет река Рауат, название которого также объясняется из иранских языков. В частности, в реликтовом восточноиранском языке ваханцев Памира «рауат» означает «горный поток» [41, с. 56]. Действительно, река Рауат течет по тесному горному ущелью. В пределах обитания башкир также можно упомянуть и другие гидронимы на «Ра-» (по-башкирски «Рэ-»), Рэтамак Рэтүш, Рэүэк, Раүэн, Рафанде и др., в которых можно увидеть тот же корень «Ра-». Название реки Хакмар (по-русски Сакмара) в башкирском Зауралье также может быть объяснено из восточноиранских языков. В языке бартангов, проживающих в Горном Бадахшане, хак – «вода» [16, с. 72]. Там же, в Горном Бадахшане есть гидронимы с «хак», «хок»: үөvti хок – «родник коров», аспi хок «родник лошадей» [40, с. 55]. «Барда» – населенный пункт гайнинских башкир, проживающих в Пермском крае, восходит к иранскому «парда (барда)» и означает «край», «бок», «окраина» [23, с. 73]. Нам остается только добавить, что башкиры-гайнинцы, которые свой край называют «Барда», действительно, живут на окраине башкирского мира. Именно в этих краях найдены самое большое количество сасанидского серебра (VI-IX вв.).

Название южноуральского города Миасс также находит свое объяснение из иранских языков, где *piuoz* и его различные фонетические варианты «биас/миас» означают «лук» [29, с. 234]. С луком связан в Республике Башкортостан еще один населенный пункт – это село «Осконно», который на русский язык переводится как «дикий лук Оскон», т.е. топоним «осконно» означает местность, где в изобилии растет дикий лук Оскон. Башкиры, освоившие просторы Южного Урала досконально и знающие все его особенности, думается, обратили внимание, что в местности, где потом возник город металлургов Миасс, в изобилии растет дикий лук и назвали местность «Миас», т.е. луковые места. *Һэргэй* – населенные пункты в Ишимбайском и Бурзянском районах РБ. В восточноиранских языках «саргай» означал «верхний» [41, с. 51, 58]. Базы местность в Баймакском, Илишевском и в некоторых других районах РБ. В восточноиранских языках *Vaz* – пастбище, луг, загон для скота, скотный двор [14, с. 117]. Худайбанд – горный перевал из запада на восточную сторону уральских гор в Зианчуринском районе РБ. Здесь «банд» «дорога» – др.-инд. *pantha-*, мл.-авест. *panta* «дорога», то есть топоним означает «Божья дорога», так как раньше перевал был очень опасным для перехода. Сейчас перевал расширен, благоустроен, однако, несмотря на это, все равно представляет собой определенную

опасность для путников, переезжающих с одной стороны на другую. Кунаил – гора рядом с башкирским аулом Уметбай в Баймакском районе РБ. Первая часть данного оронима «Кух-» с иранских языков переводится как «гора». «Күркәтау» – гора в Баймакском и Бурзянском районах Башкортостана; в переводе на русский означает «Индюшья гора». Но, как известно, индюки были завезены в Европу из Америки. Поэтому эта птица в Башкортостане никак не могли обитать в диком виде. Индюк в других тюркских языках называют «индей тауыгы», т.е. «курица индейская». Поэтому слово «күркә» (индюк) у башкир, скорее всего, первоначально означало другую птицу, которая водится на Южном Урале. Этой птицей, скорее всего, был тетерев, внешне очень даже напоминающий индюка. Поэтому можно сказать, что башкирский ороним «Күркәтау» первоначально никакого отношения к индюку не имел и может быть объяснен через индоиранские (арийские), и иранские языки, где Kṛka-, kṛka – «петух, курица» [42, с. 398-399]. О гидронимах Южного Урала, имеющих восточноиранское происхождение, писала также лингвист Г.Х. Бухарова [8, с. 46-51].

На участие в этногенезе башкир местных племен, говоривших на восточноиранских наречиях, кроме вышеуказанных топонимов, указывают и выявленные языковедами некоторые фонетические особенности башкирского языка, отличающие их от остальных тюркоязычных народов. Языковед Н.И. Егоров на основе анализа материалов башкирского языка пришел к выводу, что башкирский язык сформировался под «сильным влиянием языкового субстрата восточноиранского (скифо-сакского) типа. Современное доминирующие кыпчакские черты башкирского языка складывались постепенно в ходе многократной кыпчакизации в течение последнего тысячелетия» [15, с. 134]. При ассимиляции пришлыми тюрками местных иранцев, говоривших на восточноиранских наречиях, это местное население передало вновь сформировавшемуся башкирскому этносу некоторые особенности своего языка (фонетики), а также определенную часть лексики.

Одной из особенностей башкирского языка является наличие фарингального звука «ħ» вместо общетюркского «С» [27, с. 34-40]. Один из крупнейших специалистов по иранистике В.И. Абаев писал, что переход общеиндоиранского (арийского) «s» на «ħ» важнейший отличительный признак иранских языков. Переход «s – ħ» был и остается для иранского вполне надежным опознавательным признаком [1, с. 29].

Возникновение звука «ħ» в башкирском языке известный языковед Н.К. Дмитриев, склонен был объяснить влиянием восточноиранских

языков [14, с. 23-24], то есть, допускает появление данного фарингального звука «h» под влиянием местных ираноязычных племен, вошедших в состав башкирского этноса.

Известный языковед Б.А. Серебренников развитие «с>h» в башкирском языке считал результатом внутреннего развития самого башкирского языка, но «при благоприятствующих этому условиях», под которым он понимал контакты с каким-то «хакающим» народом, который и выступил в качестве катализатора [34, с. 11]. Нам же кажется, что этим «хакающим» этносом были говорившие на восточноиранских наречиях уральские сарматы, саки, аланы.

Другим отличительным звуком башкирского языка является звук «з». По мнению исследователей, именно в восточноиранских языках фиксируется межзубный спирант (з). Дж. Дармстетер отметил, что переход «d>з» является специфической особенностью юго-восточноиранских языков. Другой специалист по скифам Бильмейер считал, что «...сохранение интервокального «д» в «з» в сарматском и осетинском...становится фонетически дифференцирующим признаком» [21, с. 50, 59].

Опираясь на данные туркменского языка, где также наличествовал этот звук «з», объясняемый как иранский субстрат, Н.К.Дмитриев по поводу звуков «с» и «з» в башкирском языке высказал гипотезу их восточноиранского происхождения и что она может быть поддержана не только данными материальной культуры, но и некоторыми лингвистическими факторами [14, с. 23-24].

Иранизм различно происхождения в башкирском языке посвящены работы лингвистов (Э.Ф. Ишбердин, Т.М. Гарипов, Н.Д. Гарипова, Р.Х. Халикова, У. Яруллина, Г.Х. Бухарова, Г. Гайсина и др.), где они на многочисленных примерах подтверждают наличие иранизмов в башкирском языке и топонимике. К сожалению, исследователи в основном обращаются к более поздним средневековым персидско-таджикским материалам, которые проникали в башкирскую среду в ходе обоюдосторонних контактов (торговля, учеба, переезд на жительство и т.п.).

В качестве примера древнеиранского пласта приведем несколько слов, до сих пор бытующих в башкирском языке. Например, является иранизмом и восходит к слову «фарн» (hvarnah-), в частности, башкирское слово бирнэ – «приданое»: 1) приданое невесты; 2) подарки невесты жениху, его родителям и родственникам; 3) подарок жениха родителям невесты; 4) подарок повитухе либо мужчине, совершающему обряд обрезания; 5) подарки, собранные на сабантуе [3, с. 284]. Среди иранских народов hvarnah– было представлением традиционным и

символическим на протяжении всей их долгой истории. Первоначально это слово имело значение: «желанная вещь», «добрая судьба, счастье». В этом значении hvannah– (фарн/бирнэ) соответствует древнетюркскому или даже общелалтайскому понятию qut (по-башкирски «кот») [38, с. 67-68].

К древнеиранскому, а возможно, и к более древнему индоиранскому миру относится и башкирское слово «һәүкәш». В башкирском языке корову называют «һыйыр», но ласкательно ее до сих пор называют «һәүкәш». Здесь корень «һәү» восходит к иранскому «гау/һәү» (корова). Этот же корень имеется в санскритском gauṣ «корова» [6, с. 99, 73].

В горах Гиндукуша, в труднодоступных ущельях малых горных рек обитают племена, говорящие на различных реликтовых индоиранских языках и наречиях, отличающихся крайней архаичностью, у которых покровитель скота называется Гавеша, созвучное к башкирскому «һәүкәш» [20, с. 40].

По мнению исследователей, если в языке народа сохранились древние элементы, давно забытые у других родственных ему народов, то подобные явления будут свойственны и мировоззрению, идеологии этого народа [11, с. 68-76].

Действительно, башкирские исследователи Л.А. Ямаева [44], Р.Ф. Резяпов [32, с. 286-300] обнаружили убедительные параллели в мировоззрении башкир и древнеиранских племен.

К аналогичному выводу пришел также исследователь К.Ю. Рахно, который пишет, что «пантеон башкир-язычников ... отражает наличие иранских компонентов в их этногенезе, и прежде всего, сармато-аланских, с которыми могут быть связаны и другие их культурные черты... [31, с. 144].

От себя хочется привести один яркий пример из башкирского поверья, уходящий корнями в древнеиранский мир. По этому поверью, башкиры после того как состригли ногти, считают необходимым разрезать их еще пополам и после этого, прочитав молитву, спустить в какую-нибудь щель, чтобы такие зловредные силы как йен не могли сделать из них лук и стрелы и не стреляли в людей. Об аналогичном поверье говорится и в Бундахишн, где отмечается, отрезанные ногти, если над ними не прочитана молитва, дэвы и колдуны хватают и пускают как стрелы и могут ими причинить вред [17, с. 292].

Участие древних ираноязычных племен в этногенезе башкир признавал и известный специалист по башкирам, этнограф Р.Г. Кузеев, который в одном из интервью заявил, что «башкиры – это или иранизированные тюрки, или тюркизированные иранцы» [19, с. 19]. О

том, что Р.Г. Кузеев видел и признавал участие ираноязычных кочевников в этногенезе башкир, пишет уфимский исследователь И.В. Антонов [4]. Этот ученый на основе изучения архивных материалов Р.Г. Кузеева опубликовал несколько интересных работ, в которых приводит примеры, где Р.Г. Кузеев нисколько не сомневаясь, пишет об участии ираноязычных племен в этногенезе башкир. Нам остается только с сожалением отметить, что по каким-то непонятным нам причинам, в своих работах Р.Г. Кузеев эти свои выводы не стал использовать, сделав основной упор только на пришлые тюркские элементы этногенеза башкир.

Примеры, указывающие на участие местных южноуральских, ираноязычных кочевников в этногенезе башкир можно привести множество, но ограничения к объему статьи не дают нам такой возможности. В небольшом обзоре, к сожалению, невозможно привести все те элементы, указывающие на наличие мощного иранского пласта в материальной и духовной культуре башкир.

Исследование реликтовых восточноиранских элементов в башкирском языке необходимо, думается, не только для изучения истории, культуры башкир, но и иранского мира, так как многие элементы, сохраненные в башкирских материалах, отсутствуют у более молодых ираноязычных народов. Обычно исследователи скифо-сарматского мира обращаются к осетинским материалам, так как они общепризнанно являются прямыми носителями древнего аланского языка и через него и скифского. Но в некоторых случаях башкирские материалы могут дать больше фактов, чем осетинские. Это объясняется тем, что осетины антропологически относятся к кавказоидам, перешедшим на иранский язык. При переходе на восточноиранский (аланский) язык местное кавказское население переняло из мифологии, религиозных верований, мировоззрения пришлых иранцев только то, что было им более понятно, близко и совпадало с уже имеющимися у местного населения кавказскими реалиями, вызванными местными природно-географическими условиями. У башкир же дело обстояло несколько иначе. Местное южноуральское и приуральское ираноязычное население с приходом сюда тюркоговорящих пришельцев, перейдя на их язык, перенимало у них (так же, как и кавказоиды у аланов) только то, что совпадало с уже устоявшимися здесь на Южном Урале и вызванными местными реалиями мифологию, религиозные верования. Только этим можно объяснить, что фольклор, мифология, древние религиозные верования тюркоязычных башкир ближе к сохранившим многое из иранского наследия среднеазиатскому миру, чем к тюркоязычному миру Центральной Азии.

Источники и литература

1. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., МГУ. 1972. С. 26-37.
2. Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов (тезисы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 472-480.
3. Академический словарь башкирского языка. Том II. Уфа. Изд-во «Китап». 2011. 568 с.
4. Антонов И.В. Р.Г. Кузеев и его концепция происхождения башкирского народа // Ватандаш. 2009. №3. С. 29-45; его же: Р.Г. Кузеев о проблеме ранних тюрков в Волго-Уральском регионе // Ватандаш. 2012. №8. С. 28-54; №9. С.54-78; его же: Р.Г. Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья. СПб., «Свое издательство». 2015. 248 с.
5. Балаханцев А.С. Ахеменидский Иран и Южный Урал в V-IV вв. н.э. // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф.Смирнова. Сборник статей. Оренбург. Изд-во ОГПУ. 2016. С. 40-43.
6. Барроу Т. Санскрит. М.: «Прогресс», 1976. 411 с.
7. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981.
8. Бухарова Г.Х. Субстратные гидронимические термины индоиранского происхождения в башкирской топонимии // Перспективы развития башкирского народа: осмысление истории, сохранение традиций, модели национально-государственного строительства. Уфа: «Башкирская энциклопедия», 2015. С. 46-51.
9. Веселовский Н.И. Несколько новых соображений по поводу пересмотра вопроса о гуннах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1882. сентябрь.
10. Гордеев Ф.И. О происхождении этнонима «башкир» // Археология и этнография Башкирии. Том IV. Уфа. 1971. С. 314-317.
11. Гуревич Ф.Д. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Выпуск XV. М., 1947. С. 68-76.
12. Гуцалов С.Ю. Скифы на Южном Урале // Дарьял. №4. 2003. Владикавказ. С. 179-189.

13. Гуцалов С.Ю. Волчье племя // Даръял. №1. 2005. Владикавказ. С. 198-202.
14. Дзищойты Ю.А. О некоторых реликтах древнеиранской лексики в топонимии Осетии // Известия СОИГСИ. № 29(68). 2018. С. 117-119.
- 14а. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. Уфа. М., Наука. 2007. 232 с.
15. Егоров Н.И. Проблемы периодизации истории башкирского и татарского языков // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. (Тезисы докладов и выступлений). Уфа, 1991. С. 134-139.
16. Зарубин И.И. Бартагские и рушанские тексты и словарь. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
17. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М.Чунаковой. М.: Изд-ская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 352 с.
18. Казаков Е.П. К проблеме тюркизации Урало-Поволжья в эпоху средневековья // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002. С. 55-57.
19. Кузеев Р.Г. Почувствовать дыхание времени, дыхание народов... // Вестник АН РБ. 1999. Т. 4, № 3. С. 7-20.
20. Кузьмина Е.Е. Занавес поднимается (О семантике скифского искусства) // Знание-сила. 1985. №11 (701). С. 38-42.
21. Кулланда С.В. Уроки скифского // Вопросы языкового родства. 2011. № 5. С. 48-68.
22. Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 232 с.
23. Лившиц В.А. Парфянские топонимы // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 73-84.
24. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Т.ХІ. 1952. вып.2 (март-апрель). С. 135-143.
25. Моргунова Н.Л. Археология Оренбуржья. Оренбург. Оренбургское книж. изд-во, 2004. 112 с.
26. Мошкова М.Г. Сарматские памятники восточных районов Оренбургской области // Тезисы докладов на первой Оренбургской историко-археологич. конференции по вопросу о состоянии и задачах

историко-археологического изучения Оренбургской области. Оренбург. 1961. С. 10-13.

27. Мудрак О.А., Хисаметдинова Ф.Г. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Астана. «Гылым». 2018. 164 с.

28. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова Думка, 1990.

29. Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М.: Наука, 1975. 343 с.

30. Попов С.А., Тайны Пятимаров. Очерки по древней и средневековой истории оренбургских степей. Челябинск, 1971. 193 с.

31. Рахно К.Ю. Иранские компоненты в языческих верованиях средневековых башкир // Актуальные проблемы гуманитарной науки: фольклористика, литературоведение, этнография, история, археология. Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения видного ученого-фольклориста Сулейманова А.М. Уфа, 2019. С. 141-145.

32. Резяпов Р.Ф. К общим мотивам в башкирской и индийской мифологии // Башкироведение. (к 75-летию Г.Б.Хусаинова). Уфа, 2004. С. 286-300.

33. Савельев Н.С. Новые находки торевтики ранних кочевников Южного Урала с изображениями верблюдов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Челябинск, 2017. С. 126-131.

34. Серебrenников Б.А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963. 23 с.

35. Смирнов К.Ф. «Савроматы» и «сарматы» // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. С. 3-23.

36. Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.: Наука, 1968. 356 с.

37. Таиров А.Д. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине 5-4 вв. до н.э. // Российская археология. 2006. №1. С. 71-127.

38. Фрай Ричард. Наследие Ирана. М., 2002. 463 с.

39. Халиков А.Х. Основные этапы тюркизации Среднего Поволжья и Приуралья // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент: «Фан», 1984. С. 414-417.

40. Хомидов Д. Структурный анализ гидронимов Средней Азии // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. № 4/3(167). Душанбе: «СИНО», 2015. С. 51-57.

41. Хромов А.Л. Очерки по топонимии и микропонимии Таджикистана. Выпуск 1. Душанбе: Изд-во «Ирфон», 1975. 85 с.

42. Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Том 4. I-К. М.: Наука, 2001. 415 с.

43. Юсупов Р.М. Материалы по краниологии башкир. Уфа, 1989. С. 42-43; его же: Основные этапы формирования расового типа башкир // Исторический опыт развития духовной культуры Башкортостана. Уфа, 1992. С. 8-13; его же: Этнология башкир на рубеже тысячелетий // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Уфа, 2006. С. 95-101.

44. Ямаева Л.А. Древнеиранский религиозный компонент в «башкирском исламе» // Проблемы современной исторической науки: новые направления и подходы. Материалы международной научной конференции «Бекмахановские чтения» (21-22 мая 2010 г.). Алматы. 2010. С. 331-334; ее же: Элементы древнеиранских религиозных верований в башкирском исламе // Проблемы востоковедения. 2010. №2(48). С. 55-59; ее же: Элементы древних иранских верований в традиционном сознании башкир // Иран-наме. Алматы. 2010. №4. С. 97-109.

© Аминев З.Г., 2022